

УДК 821.111(73)-3.09

ТЕНДЕНЦИИ МЕТАМОДЕРНИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА ДЭЙВА ЭГГЕРСА «СФЕРА»)

Г. И. Лушникова¹, Т. Ю. Осадчая²

¹ Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского
298635, Россия, Ялта, ул. Севастопольская, 2а

² Севастопольский государственный университет
299053, Россия, Севастополь, ул. Университетская, 33

Поступила в редакцию 22.02.2022 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2022-3-7

В настоящее время в литературном процессе наблюдается развитие такого нового направления, как пост-постмодернизм, в котором прослеживаются несколько течений. В статье предлагается обзор теоретических работ отечественных и зарубежных авторов, посвященных изучению данного направления, его ведущих черт, разработке терминологического аппарата. На материале романа американского писателя Дэйва Эггера «Сфера» (2013), еще не становившегося предметом изучения в отечественном литературоведении, представлены ведущие тенденции метамодернизма как одного из течений пост-постмодернизма. Методология, в рамках которой проводится исследование, базируется на принципах интерпретационного анализа и сравнительно-исторического наблюдения. Обзор ряда романов современной англоязычной литературы дает основание заключить, что пост-постмодернизм делает попытку реконструкции того, что было подвергнуто деконструкции в постмодернизме, при этом сохраняя некоторые его установки. Детальное рассмотрение романа Д. Эггера показывает, что в нем прослеживаются как постмодернистские (сложное соединение жанровых форм), так и метамодернистские черты (отказ от постулата «смерть автора» и экспликация авторской позиции, постирония, неореализм, обращение к «новой искренности»). Некоторые результаты проведенного исследования могут быть использованы для дальнейших научных изысканий в данной области, а также при формировании учебно-методического материала по филологическим дисциплинам в вузах.

Ключевые слова: культурная парадигма, пост-постмодернизм, Дэйв Эггерс, «Сфера», тенденции метамодернизма, интерпретационный анализ

1. Смена культурной парадигмы: определение термина для новой эпохи

Ни у кого не вызывает сомнения, что в настоящий момент эпоха постмодернизма продолжается. Однако анализ тенденций в современном литературном процессе позволяет утверждать, что новые идеи, ко-

которые все больше проникают в сознание писателей и читателей и являются ответом на вызовы общественной и культурной жизни, в конечном итоге могут привести к формированию новой культурной эпохи. Уже в конце 80-х годов XX века многие литературоведы вслед за Л. Хатчеон провозгласили «конец эры постмодернизма»: «...Постмодерн закончился, несмотря на то что его дискурсивные стратегии и критика различных идей продолжают оказывать заметное влияние» (здесь и далее перевод наш. — Г.Л., Т.О.) (Hutcheon, 2002, p. 181).

Изучение новых тенденций, зарождающихся в эпоху постмодернизма, но не следующих его основным принципам, становится предметом исследования как ведущих литературоведов — J.T. Nealon (Дж. Т. Нилона), J. Toth (Дж. Тота), M. K. Holland (М.К. Холланда), R.L. McLaughlin (Р.Л. Маклафлина), I. Huber (И. Хубера), I. Hassan (И. Хассана), W. Funk (В. Функа), A. Gibbons (Э. Гиббонс), A. Kelly (Э. Келли), R. Rebein (Р. Ребейна), R. Saldivar (Р. Салдивара), J. Bolaño-Quintero (Дж. Боланьо-Квинтеро), A.E. Dumitrescu (А.Э. Думитреску), N. Timmer (Н. Тиммера), так и писателей — Д.Ф. Уоллеса (в знаменитом эссе «E Unibus Pluram: Television and U.S. Fiction» автор говорит о пост-постмодернизме как новой тенденции в литературе (Wallace, 1993)), Д. Эггерса, Дж. Франзена и других.

Изучая новую пост-постмодернистскую литературу, исследователи находятся в поиске термина для ее обозначения. Среди наиболее часто встречающихся можно назвать «поздний постмодернизм», «постпостмодернизм», «метамодернизм», «новая искренность» и другие. Приставка «пост» в «постмодернизме» означает и сохранение установок модернизма, и его критику. Пост-постмодернизм, в свою очередь, делает попытку реконструкции того, что было подвергнуто деконструкции в постмодернизме, при этом также сохраняя многие его установки: «...Пост-постмодернизм расширяет и развивает установки постмодернизма (который, в свою очередь, расширял и развивал определенные тенденции модернизма)» (Nealon, 2012, p. ix).

Приставка «пост» в данных терминах кроме прочего подразумевает хронологию, то есть период, следующий за модернизмом или постмодернизмом. Однако тенденции новой культурной эпохи появляются в недрах предыдущей, поэтому, на наш взгляд, для обозначения литературы нового направления более точным является термин «метамодернизм» (приставка «мета», которая происходит от термина Платона *metaxis*, в переводе с греческого означает «среди», «между», «после»), поскольку, как следует из названия, его принципы одновременно находятся в дискуссии с постмодернизмом и следуют ряду его установок.

Среди работ, посвященных метамодернизму, особо следует выделить сборник эссе под редакцией Р. ван дер Аккера, Э. Гиббонс, Т. Вермюлена «Метамодернизм: историчность, аффект и глубина после постмодернизма» (Metamodernism, 2017). По замечанию А. В. Павлова, автора «Критического введения» к русскому переводу данной книги, «...метамодернизм не является исключительной альтернативой постмодернизму, но представляет собой один из множества вариантов амбициоз-

ных концепций актуальной нам культуры» (Павлов, 2020, с. 14). В другой работе, однако, исследователь отмечает, что термин «метамодернизм» может со временем стать названием новой эпохи: «...На сегодняшний день из всех упомянутых концепций метамодернизм является наиболее успешным “-модернизмом”, претендующим на то, чтобы заменить постмодернизм» (Павлов, 2018, с. 3). В нашем исследовании термином «метамодернизм» мы обозначаем одно из ключевых течений в рамках пост-постмодернистского направления в литературе.

Большой интерес исследователей к новым тенденциям в современном литературном процессе, с одной стороны, и необходимость осмысления и систематизации литературных фактов и явлений, их изучения на материале конкретных произведений — с другой, обуславливают актуальность настоящей работы.

Цель исследования — провести интерпретационный анализ романа Д. Эггерса «Сфера» с учетом контекста современного литературного процесса; выявить те аспекты течения метамодернизма, которые нашли отражение в данном романе.

2. Пост-постмодернистские тенденции в современной литературе: подходы к изучению и характерные черты

По мнению большинства зарубежных исследователей, смена парадигмы состоит не в разрыве с постмодернизмом или полном отрицании его принципов. Без таких черт постмодернизма, как ирония, метаповествование, деконструкция, проявляющихся на разных уровнях текста, невозможно представить практически ни одно современное произведение. Исследователи единодушны в том, что ключевой аспект новой эпохи — это движение за пределы постмодернизма, исследование новых возможностей, изменение эпистемологических конфигураций, соединение ироничного и серьезного, реального и ирреального, экспериментального и традиционного: «...Культурные сдвиги в эстетике и теории дискурса можно рассматривать как изменение “эпистемологических конфигураций”» (Toth, 2011, p. 5); «...Сейчас происходит не полная замена постмодернизма чем-то абсолютно новым, а скорее изменение конфигурации его ключевых эпистемологических категорий» (Krijnen, p. 151); «Метамодернизм предполагает возвращение к неоромантическому способу восприятия действительности, который позволяет восполнить пробелы восприятия, приведшие к кризису, в то же время не отрицая многих установок постмодернизма» (Bolaño-Quintero, 2021a, p. 2). Другими словами, можно утверждать, что «ключевым элементом нового направления авторы теории метамодернизма называют принцип осцилляции, то есть “колебания” между постмодернистским, модернистским и, возможно, романтическим типами восприятия» (Спиваковский, 2018, с. 196).

Главным мотивом постмодернизма, как известно, является деконструкция; постмодернизм ставит под сомнение способность нарративов

объективно изображать чтобы то ни было: реальность, историю, внутренний мир человека: «историю, внутренний мир человека, соотношение языковых знаков и внеязыковой действительности, соотношение текста с другими текстами» (Hutcheon, 1988, p. xxi). По словам исследователей, постмодернизм обесценивает и ниспровергает все базовые понятия: «он ставит под вопрос и ниспровергает такие понятия, как смысл, соотношение, знание, история, искусство, пол, идентичность, и предполагает, что все эти понятия не соотносятся с автономными (или трансцендентными) концепциями Абсолютной Истины или фактами объективного знания» (Krijnen, 2016, p. 149). Философы постмодернизма полагают, что перечисленные понятия, включая Истину, не более чем языковые конструкции, что язык не воспроизводит реальность, а конструирует ее, что реальность вообще невоспроизводима, а истина всегда условна и субъективна.

Одна из главных задач, стоящих перед авторами, которые следуют принципам эпохи пост-постмодернизма, по мнению большинства исследователей, – реконструкция базовых понятий и ценностей в противовес тотальной деконструкции постмодернизма. Пост-постмодернизм является попыткой вернуть веру в способность человека реконструировать базовые понятия и ценности в рамках принципов реализма, который нередко называют неореализмом: «Учитывая очевидный поворот к неореализму, можно утверждать, что неореализм предполагает определенный тип мимезиса, то есть возможность воссоздать в тексте то, что в рамках постмодернистского нарратива считалось невоспроизводимым: смысл, истину, правдивое изображение действительности» (Toth, 2011, p. 3–4). Речь, однако, идет о возвращении только к эстетике реализма.

Что касается постмодернистской позиции, заявляющей о невозможности сколько-нибудь правдиво передать действительность с помощью текста, то теперь она заменяется идеей о важности изображения внутреннего мира человека, всего, что объединяет разных людей, коммуникации автора с читателем для совместного конструирования образов реальности: «Текст, условно определяемый нами как метамодернистский, предлагает смоделированный субъектом (нарратором, актантом) единый мир, в котором реципиент может идентифицировать себя как “мы”» (Нечаева, 2021, с. 198). Именно такой подход, по мнению исследователей, характеризует творчество писателей, которые «выходят за пределы постмодернизма»: «То, что выделяет произведения молодых писателей нового поколения, – это особое внимание к изображению чувств, эмоций, межличностных связей, коммуникаций персонажей, а также воссоздание у читателя чувства “присутствия” и “узнаваемости” ситуации» (Timmer, 2010, p. 13). Таким образом, воспроизведение реальности в метамодернизме – «...это преодоление постмодернизма, как бы обогащенное постмодернистским опытом: знаки начинают работать / восприниматься как остенсивные... объектом репрезентации выступает точка зрения автора произведения на реальность, но не сама реальность (Нечаева, 2021, с. 198).

Интересно отметить, что современные писатели продолжают использовать постмодернистские приемы, которые, однако, позволяют им выйти за пределы постмодернизма, в частности выполняют функции создания «реалистической» картины мира: «Постмодернистские приемы продолжают использоваться в пост-постмодернистском романе новым поколением авторов, однако выполняют теперь другую функцию: воссоздания “реалистичной” картины мира» (Timmer, 2010, p. 360).

Среди основных признаков, характеризующих и отличающих новую парадигму, исследователи называют принципы реализма, искренности, достоверности: «Мнения по поводу того, что именно будет считаться ключевым фактором в изменении литературной парадигмы, которое наблюдается в настоящее время, значительно различаются. Тем не менее принципы реализма, искренности и достоверности упоминаются достаточно часто» (Huber, 2014, p. 6). С точки зрения большинства исследователей, воспроизведение реальности в тексте возможно в том числе через изображение эмоций и чувств персонажей: «...Для изображения действительности важно показывать искренность и доверие персонажей, их связь с окружающим миром и другими человеческими существами, таким образом вновь придавая особое значение социализации» (Bolaño-Quintero, 2021a, p. 3); «На смену отстраненности постмодернизма, его антиантропоформизму приходит реализм. Эмоции, чувства вновь играют центральную роль в художественной литературе: авторы настаивают на связи людей друг с другом в глобализирующемся мире (Красавченко, 2018, с. 213).

Таким образом, новые тенденции, возникающие в пост-постмодернистскую эпоху и характерные для течения метамодернизма, могут быть описаны следующим образом.

Во-первых, принимается постмодернистская установка на то, что не существует единой для всех истины в изображении действительности. Вместе с тем современные авторы делают попытку показать, что универсальные ценности, такие как истина, вера, мораль, солидарность, искренность и другие, возможно реконструировать через совместное с читателем творчество, коммуникацию с ним: «...Идентификация... читателя с героем — обязательный элемент метамодернистского текста» (Нечаева, 2021, с. 198).

Во-вторых, соглашаясь с постмодернистской идеей о том, что язык не воспроизводит реальность, а конструирует ее, авторы тем не менее утверждают, что литература в состоянии изобразить или по крайней мере попытаться изобразить действительность с помощью эстетики и приемов реализма.

В-третьих, делается попытка вернуться к доверию к метанарративам / великим нарративам (*grand narratives*), то есть к концептуальным моделям изображения истории, культурным и социальным кодам отдельных сообществ. Пост-постмодернистские писатели вновь изображают историю, не претендуя, однако, на объективность, а особо подчеркивая субъективность повествования.

В-четвертых, важной художественной доминантой новой эпохи провозглашаются эмпатия и искренность в противовес постмодернистской тотальной иронии. Художественный вымысел, творчество позволяют авторам «увидеть» и изобразить другого человека во всей его сложности и противоречивости, понять и исследовать его внутренний мир почти так же полно и точно, как свой собственный: «“Мы” предполагает некую когнитивную эмпатию, вызванную таким типом письма, как “новая искренность”, которая возвращает единый, общий, коллективно прозреваемый смысл. Такой тип письма должен преодолевать солипсизм, вытекающий из невозможности онтологии в постмодернизме (Нечаева, 2021, с. 198).

3. Тенденции метамодернизма в творчестве Д. Эггерса

Пост-постмодернистские черты появляются, в первую очередь, в произведениях американских авторов. Изменения в обществе и культурной жизни США нашли отражение как в философских, культурологических, литературоведческих работах, так и в самой литературе. Писатели, которые, начинали свою творческую деятельность, следуя всем установкам постмодернизма, понимали, что данное направление уже в полной мере не отражает изменившуюся социальную и культурную повестку дня современного мира. Альтернатива постмодернизму была сформулирована в самом общем виде следующим образом: «поиск истины или важность человеческих отношений» (Lipovetsky, 2005, p. 18).

Среди авторов, в творчестве которых прослеживаются описанные выше тенденции, можно называть таких американских писателей, как Д.Ф. Уоллес, М. Шейбон, Дж. С. Фоер, Н. Краусс, М. Данилевски, Дж. Франзен, Б. Лернер, З. Смит, Д. Эггерс и некоторых других.

Рассмотрим роман американского писателя Д. Эггерса «The Circle» / «Сфера», написанный в 2013 году, который может служить ярким примером реализации некоторых из описанных выше черт метамодернизма.

3.1. Темы, проблематика, жанровая характеристика романа «Сфера»

Роман посвящен описанию будущего общества, которое вошло в эпоху тотальной власти могущественной корпорации, основанной на использовании интернет-технологий, новейших достижений технической мысли, всевозможных средств коммуникации. Ведущая тема романа – роль технического прогресса в жизни общества. Главные вопросы, поднимаемые автором, – каково место человека в новом технологизированном мире, каковы взаимоотношения между людьми, где общение приобретает совсем другие формы, какова грань между преимуществами интернет-технологий и их негативными последствиями, что дает общение с необозримым количеством людей в сети, которое вытесняет личное общение в узком кругу друзей и близких? Эти и по-

добные им вопросы звучат и в других современных романах, посвященных влиянию крупных международных компаний, созданию машин с искусственным интеллектом, практически неограниченным воздействием интернета на жизни людей. В качестве примера можно привести произведения Д. Брауна «Цифровая крепость», И. Макьюена «Машины как я», К. Исигуро «Клара и солнце», Дж. Франзена «Безгрешность». Эти романы написаны в рамках постмодернистской традиции, тогда как Д. Эггерсу свойственны несколько иные творческие решения для реализации данной тематики.

Д. Эггерс в приложении к своему роману «A Heartbreaking Work of Staggering Genius» («Душераздирающее творение ошеломляющего гения»), которое называется «Mistakes We Knew We Were Making» («Ошибки, которые мы осознаем»), отказывается от постмодернизма, считая, что это направление себя исчерпало: «Имейте в виду, я живу не в постмодернистском мире. Я не жил в эпоху, когда что-то новое называлось модернистским; для меня не было ничего модернистского, поэтому не может быть и ничего постмодернистского. Для меня все есть Новое. Каждый день весь мир для меня – Новый» (Eggers, 2001, p. 34–35).

Его роман «Сфера» является художественным воплощением теоретических взглядов писателя, поскольку в нем просматриваются тенденции, демонстрирующие переход от постмодернизма к поиску новых художественных форм, характерных для такой ветви пост-постмодернизма, как метамодернизм. Но, естественно, этот отказ не категоричен, так как литература всегда развивается на основе предшествующих направлений, берет от них определенные черты. Так, в романе «Сфера» имеет место жанровое смешение, свойственное постмодернизму. По мнению некоторых исследователей (Maurer, Rostboll, 2020), этот роман относится к жанру антиутопии в русле традиции антиутопических романов Дж. Оруэлла «1984» и О. Хаксли «О дивный новый мир». Эти же исследователи считают, что роман содержит и черты утопии, по мере развертывания повествования в нем утопическая картина превращается в антиутопическую. Один из разделов их статьи так и назван *The Circle as dystopia and utopia / Роман «Сфера» как антиутопия и утопия*, в котором подчеркивается, что грань между утопией и антиутопией в романе очень зыбка: «...Роман показывает, что если определенные идеи воплощать в жизнь с излишним энтузиазмом, не учитывая нюансы, не понимая конечной цели, эти идеи могут превратиться в свою противоположность. Воодушевление людей, прозрачность их действий, голосование по разным вопросам полезны для демократии, но роман показывает, что они также могут быть для нее разрушительны. Грань между утопией и антиутопией очень тонка» (Maurer, Rostboll, 2020).

В отзывах на роман, фрагменты из которых помещены к его изданию 2014 года, наименования жанровой принадлежности еще более разнородны. Его определяют и как притчу, и как социальный роман, и как триллер, и как сатиру. При этом названия классических жанров снабжены разнообразными эпитетами и определениями-пояснениями,

что вполне объяснимо, так как роман не укладывается в обычные жанровые каноны, его называют «элегантной притчей», «клаустрофобским корпоративным триллером», «триллером в духе Дэна Брауна» и даже «антитехнологическим манифестом». Жанровая неоднородность, как следствие, рождает и неоднородные, часто прямо противоположные характеристики модальности романа. О нем говорят и как о страшном произведении, пугающем своими прогнозами, и как о книге, высмеивающей возможное будущее человечества, если оно попадет под еще большую власть интернет-зависимости (Эггерс, 2014).

Перейдем к рассмотрению других характеристик романа Эггерса, отличающих его от романов постмодернизма.

3.2. Возрождение роли автора, возвращение к гуманистическим ценностям

Постмодернизм, как известно, провозгласил отказ от автора, снижение его значимости, фактически ведущей к «смерти» автора. У некоторых представителей постмодернизма автор скрывается за персонажами, как будто поручает им вести повествование, высказывать свои суждения по поводу описываемых событий, поступков людей, политических и социальных проблем. Как следствие, во многих постмодернистских произведениях активно используется повествование от первого лица, так называемое перепорученное повествование, вводится «ненадежный» рассказчик, причем таким героем-рассказчиком может быть персонаж любого возраста (даже еще неродившийся ребенок в утробе матери в романе И. Макьюена «В скорлупе»), любого социального положения, статуса, включая изгоев общества и преступников (как, например, в романе К. Фуллер «Горький апельсин»), любого физического и морального здоровья, в том числе пациентов психлечебниц (что имеет место, например, в романах А. Михаэлидеса «Безмолвный пациент», Д. Киза «Цветы для Элджернона»). В некоторых романах повествование ведется от лица нескольких персонажей, включаются разные голоса, представляющие разные точки зрения и видения (яркими примерами могут служить романы Дж. Барнса «Как это было», К. Стокетт «Прислуга», В. Д. Вэнделин «Привет, Джули!» и другие).

Для творчества Д. Эггерса характерны другие доминанты. Прежде всего в его произведениях наблюдается возрождение роли автора, его «голос» явственно прочитывается: «...Предполагая, что читатели его книги поймут все, что он думает и чувствует, Эггерс возрождает фигуру автора с помощью такого повествования, в котором голос и мнение автора можно однозначно идентифицировать» (Boñaño-Quintero, 2021b, p. 116). Избегая декларативности, посредством описания событий и характеров героев автор призывает вернуться к гуманистическим ценностям — праву на частную жизнь, анонимности, свободе, эмпатии, личному общению людей, задуматься о возможных последствиях всепоглощающей власти крупных компаний, пользующихся таким мощным

и опасным оружием, как интернет. Тревога автора по поводу будущего, где будет безраздельно господствовать такая компания, усиливается благодаря показу трагических судеб двух героев романа – Мерсера, погибшего во время погони за ним приверженцев новой демократии и прозрачности, и Энни, пережившей тяжелый нервный срыв и впавшей в состояние комы по причине все той же идеи прозрачности.

3.3. «Новая искренность», эмпатия, постирония

Для изображения реальности Д. Эггерс пользуется такой тональностью, как «новая искренность», вызывая у читателя эмпатию и создавая возможность идентифицировать себя с персонажем: «Он пытается изобразить реальность с помощью искренности, основанной на абсолютной истине» (Bolaño-Quintero, 2021б, р. 119). При этом автор четко расставляет акценты, полагая, что читатель воспримет его взгляд на мир и вместе с автором воссоздаст образы изображаемой реальности: «Он полагает, что истина для него и для его читателя – одна. Читатель либо принимает ее, либо прерывает чтение. Если читатель принимает истину Эггерса как свою собственную, вместе они воссоздают образы реальности, в которую смогут поверить» (Bolaño-Quintero, 2021б, р. 118). В анализируемом романе повествование ведется от третьего лица, предполагающего «всеведущего» или «всезнающего» автора. Однако в большей степени взгляд автора проникает в психологию и мысли главной героини Мэй, чувства и эмоции которой показаны настолько достоверно и детально, что складывается впечатление, что будто сама Мэй разговаривает с читателем и делится своими мыслями и переживаниями. Достаточно привести несколько примеров для иллюстрации сказанного:

She felt a profound sense of accomplishment and possibly that was accompanied, in short order, by a near-complete sense of exhaustion (Eggers, 2014, p. 192); Mae's new feeling of competence and confidence carried her through the week (Eggers, 2014, p. 193); She was feeling very good, and needed (Eggers, 2014, p. 380).

Пронизывающая произведения постмодернизма ирония наличествует и в анализируемом романе, в частности такой ее тип, как драматическая ирония. Некоторые события в романе поданы в ироничном ключе, ироничен поворот судьбы главной героини романа. Горькая ирония звучит и в эпиграфе к роману, строки которого взяты из романа Дж. Стейнбека «К востоку от Эдема»:

There wasn't any limit, no boundary at all to the future. And it would be so a man wouldn't have room to store this happiness.

Однако у Д. Эггерса ирония не имеет тотального характера, он применяет ее в качестве приема для описания эпизодических ситуаций

и второстепенных персонажей. Легкая ирония в начале романа постепенно перерастает в нелюбезную критику тотальной власти крупных компаний, модель которых представлена в его произведении в остросатирическом ключе. Такой модус повествования именуют в настоящее время постиронией, которую характеризуют как переход к серьезности, к эксплицитной критике того или иного явления, описываемого в художественном произведении. На этом основании Д. Эггерса считают одним из постироничных писателей современной литературы.

3.4. Эстетика и приемы реализма

Следует заметить, что критика Д. Эггерса отличается от уничтожающей критики всего и вся, от кардинального деконструктивизма, которые свойственны постмодернизму. Рисуя картину антиутопического общества, Эггерс пользуется не только черными красками, напротив, созданная им картина этого общества в начале романа написана скорее в идиллических тонах. Главная героиня Мэй воспринимает свое новое место работы как рай на земле. Роман начинается именно с этого определения, которое мысленно произносит Мэй, впервые оказавшаяся в кампусе «Сферы»: *My God, Mae thought. It's heaven* (Eggers, 2014, p. 1). Внешний вид кампуса, где находится Сфера, и сама компания описываются при помощи слов и фраз с положительной коннотацией:

The campus was vast and rambling, wild with Pacific color, and yet the smallest detail had been carefully considered, shaped by the most eloquent hands (Eggers, 2014, p. 1); Though the company was less than six years old, its name and logo... were already among the best known in the world; It had been voted the world's most admired company four years running (Eggers, 2014, p. 1).

Цвета радуют глаз — синий, лазурный, зеленый, все блестит и сверкает, все сделано из стекла и стали. Вызывают восхищение комфортабельные помещения, современная дорогая мебель, новейшие модели компьютеров, оснащенные тренажерами спортивные площадки почти для всех существующих в мире видов спорта, уютные кафе, многочисленные места для отдыха и всевозможных увеселительных мероприятий, комфортные комнаты общежития. Люди, работающие в «Сфере», встречают Мэй доброжелательными улыбками, окружают вниманием, выражают готовность помочь.

Но на этом идиллическая картина «Сферы» заканчивается. Все ее «плюсы» оборачиваются другой, негативной стороной. Новейшая техника требует постоянного ее использования — необходимо мгновенно отвечать на запросы клиентов, реагировать на многочисленные сообщения, комментировать или хотя бы ставить лайки, оценивать рейтинг, повышать его при необходимости, быть активным участником чатов. Мэй получает в свое безраздельное пользование большое количество мониторов, сообщения с которых она едва успевает прочитывать

и отвечать на них. Посещения спортивных площадок и культурных мероприятий и вечеринок становится обязательным, их игнорирование осуждается. Доброжелательность обитателей «Сферы» на деле прикрывает строгую требовательность в соблюдении ее правил и законов.

И стекло, так ослепившее Мэй, стекло, из которого сделана мебель, лифты, стены в кампусе, далеко не такое безобидное. Во-первых, оно выполняет вполне конкретную функцию — создавать возможность всем наблюдать за всеми. Во-вторых, в романе оно становится символом основных постулатов системы — прозрачности и открытости, согласно которым каждый член системы должен быть на виду, его должно быть видно в офисах, кафетериях, лифте, спортзале:

On either side, the offices were fronted by floor-to-ceiling glass, the occupants visible within (Eggers, 2014, p. 7); They left the gallery and entered the second-floor cafeteria — “The Glass Eatery, I know, it’s such a terrible name”, Annie said — designed such that diners ate at nine different levels, all of the floors and walls glass (Eggers, 2014, p. 15).

Самое страшное заключается в том, что члены сообщества «Сферы», к числу которых относится Мэй, воспринимают открытость как благо, желают его. Совершенно искренне Мэй говорит, что ей нужно, чтобы ее видели, чтобы за ней наблюдали. Такая открытость сопоставима с «открытостью» некоторых тоталитарных режимов, в которых были заперены шторы на окнах в квартирах на том основании, что люди не должны ничего скрывать, что это поможет избежать преступлений, заговоров, бунтов. В романе Эггерса компания «Сфера» сопоставляется с такими тоталитарными государствами, ее система подвергается жесткой критике, автор называет мир «Сферы» *Зеркальем, перевернутым миром*, а на последних страницах романа выносит ей суровый приговор, используя для ее характеристики такие слова, как монополия, тоталитаризм, инфокоммунизм: *Knowledge is property and no one can own it. Infocommunism* (Eggers, 2014, p. 489). Этот тоталитарный кошмар (*We’re closing the circle around everyone — a totalitarian nightmare* (Eggers, 2014, p. 486)) рисуется с помощью развернутых метафор «акула» и «гильотина»:

The fucking shark that eats the world (Eggers, 2014, p. 486); I mean, it was like setting up a guillotine in the public square. You don’t expect a thousand people to line up to put their heads in it (Eggers, 2014, p. 487).

Тема тоталитарной власти интернета поднимается и в других современных романах, наиболее ярким из которых представляется роман Дж. Франзена «Безгрешность», в котором проводится сопоставление тоталитаризма социалистической Германии и тотальной власти интернета в современную эпоху. У Дж. Эггерса таких прямых сопоставлений нет, однако они однозначно угадываются.

Сочетание положительного и отрицательного прослеживается и в подаче автором характера отношений между людьми. Дружба Мэй и ее

подруги Энни может служить образцом настоящих дружеских связей — когда они были студентками, то делили трудности жизни в общежитии, помогали друг другу, вместе проводили свободное время. Энни самоотверженно ухаживала за Мэй во время ее болезни и, самое главное для Мэй, помогла ей устроиться в такую престижную компанию, как «Сфера», где Энни оказывала ей поддержку, помогала сориентироваться в новой для Мэй обстановке. Но тоталитарная система компании видоизменяет и в конце концов ломает их дружеские отношения, так как система требует полного подчинения, отказа от всего личного, от близких и друзей ради процветания ее, системы, принципов. Сидя у постели впавшей в кому Энни, Мэй не задумывается о причинах ее болезни, она скорбит не о состоянии подруги, а лишь о невозможности проникнуть в мысли Энни, узнать, о чем она думает, то есть переживает об отсутствии, по терминологии «Сферы», открытости, прозрачности. Роман заканчивается вопросами, которые мучают Мэй:

They needed to talk about Annie, the thoughts she was thinking. Why shouldn't they know them? The world deserved nothing less and would not wait (Eggers, 2014, p. 497).

Любовные, а затем дружеские отношения Мэй и молодого человека по имени Мерсер также разбиваются о гранит «Сферы». Мерсер не принимает безоглядной преданности Мэй идеологии «Сферы», не может докричаться до нее, убедить, что виртуальное сообщество не заменяет дружеской беседы, что услышать и понять реального человека гораздо важнее, чем прочитать сообщения в чатах, чем вступать в интернет-контакты с огромным количеством незнакомых людей. Крах их отношений, неприятие Мерсером стиля взаимоотношений, навязываемого Корпорацией, приводит к трагедии — фактическому убийству Мерсера, защищающего свою уединенность, людьми, преследующими его.

3.5. Возрождение метанарратива: противостояние тоталитаризму, возвращение ценности личности

Гибель Мерсера говорит о возможных пагубных последствиях стремительно развивающегося технического прогресса интернет-эпохи, одним из которых является вторжение в границы частной жизни с помощью постоянного наблюдения или даже надзора: «“Сфера” (2013) Дэйва Эггера показывает, что дисциплина граждан в современном обществе может быть достигнута только с помощью слежки, осуществляемой компанией, которая широко использует цифровые технологии и взаимодействие через социальные сети. <...> В определенном смысле люди становятся узниками собственной жизни из-за психологического давления, оказываемого на них постоянным наблюдением» (Isik, 2020, p. 161).

Это вторжение может привести, по мысли автора, к разрушению одного из главных принципов западного образа жизни, формирующей ментальность индивида, — принципа неприкосновенности частной жизни, на основании чего ведущим концептом западной культуры всегда считался концепт *privacy* (личная жизнь, частная жизнь, конфиденциальность). Такое разрушение является страшным для личности человека любой национальной общности, не только западной: «Роман Эггерса — это предостережение о возможном нарушении принципа неприкосновенности частной жизни в цифровую эпоху; исчезновение института частной жизни и чувства стыдливости, в конечном счете, означает разрушение личности» (Wasihun, 2018, p. 15).

Кроме того, речь в романе идет и об искажении самой сущности демократии, для обозначения новой формы которой используется авторский неологизм *detoxie*, в переводе романа на русский язык «демоксиа». Демократические тезисы о равенстве прав и возможностей, об открытости, свидетельствующей о чистоте помыслов, в ходе кажущихся логичных рассуждений превращаются в абсурдные лозунги, призывающие людей освещать в сети каждый свой шаг, выставлять свою жизнь напоказ и, по сути, отказаться от личной жизни. Эти лозунги поражают своей алогичностью: “*privacy is theft,*” “*secrets are lies,*” and “*sharing is caring.*” Последний звучит вполне гуманно, но в контексте идеологии «Сферы» его первоначальный смысл утрачен, потому что он подразумевает призыв делиться каждой минутой своей жизни — “*ALL THAT HAPPENS MUST BE KNOWN*” / «*ВСЕ СОБЫТИЯ НУЖНО ЗНАТЬ*» (Eggers, 2014, p. 68).

В отличие от мрачных пессимистических картин произведений постмодернизма роман Эггерса не лишен оптимизма, чему способствуют созданные им образы героев. Главная героиня и некоторые другие персонажи вызывают скорее сочувствие, нежели критику, так как их мозги заражены, отравлены идеями такой могущественной империи, как «Сфера». Есть в романе и положительные персонажи, которые не принимают сложившегося положения вещей, это Мерсер, искренне убежденный в пагубности идей «Сферы», преданные друг другу родители Мэй, один из руководителей «Сферы» Тау, который прозревает и осознает все страшные последствия, к которым привело созданное им детище, и страстно желает изменить сложившуюся ситуацию.

3.6. Следование принципам субъективности и аутентичности в создании образов персонажей

В романе Эггерса прослеживается еще одна черта метамодернизма — следование принципам субъективности и аутентичности в создании образов персонажей, что проявляется в скрупулезном исследовании психологии человека, его индивидуальных особенностей. Автор психологически точно показывает развитие характера центрального персонажа Мэй, ее превращение из девушки, наивно восхищающейся блестящей стороной влиятельной корпорации, в последовательного и фа-

натичного ее идеолога. Психологические портреты других персонажей романа, в том числе второстепенных и эпизодических, нарисованы детально и убедительно.

Образы каждого из сослуживцев Мэй отличаются своей индивидуальностью, хотя всех их объединяет безраздельная преданность «Сфере». Ярко очерчены образы лидеров «Сферы», напоминающих партийных и государственных лидеров тоталитарных государств, однако более изощренные, привлекающие своей успешностью, изысканностью манер, образованностью. Запоминающимися также являются эпизодические персонажи, например, супружеская пара, проживающая в полной изоляции от мира в жилище на барже, прикрепленной к ветхой рыбацкой лодке. Выбранный ими образ жизни в изоляции показывает единственный, по мнению автора, путь избежать всеобщего одурманивания — не участвовать в происходящем, закрыться от него, спрятаться в своем собственном мире. Эпизод, описывающий эту пару, заставляет глубоко задуматься, насколько приемлем такой путь, насколько возможен и благополучен такой выход.

4. Заключение

Таким образом, метамодернизм предполагает иной по сравнению с постмодернизмом способ изображения реальности: субъект (нарратор) моделирует некий мир, делая реципиента причастным к нему. Другими словами, человек может сделать попытку познать мир через познание опыта другого человека, даже если этот опыт не воспринимается как объективный. Метамодернизм можно описать как культурную парадигму, в которой на первый план выходит этическая доминанта.

Авторы в своих произведениях отражают повестку дня современной эпохи: поиска баланса между возвращением к традиционным ценностям и правилам и попытками человека «вписаться» в мир технологий. В целом метамодернизм можно описать как «выход за пределы» предыдущих эпох, синтез и интеграцию различных, нередко противоположных модусов.

Анализ романа Д. Эггерса «Сфера» позволяет сделать следующие выводы. Роман представляет собой сложное соединение жанровых форм — утопии и антиутопии одновременно, притчи, социального романа, триллера и сатиры. Основная проблематика произведения — судьба общества в целом и каждого человека в отдельности в эпоху безраздельного господства крупных интернет корпораций — раскрывается в рамках нового литературного направления пост-постмодернизма, в частности такого его течения, как метамодернизм. Основные тенденции метамодернизма, прослеживающиеся в исследуемом романе, заключаются в утверждении роли автора, в высвечивании авторской позиции, в том числе вызывая у читателя эмпатию по отношению к протагонисту, в специфической реализации приема иронии, принимающей форму постиронии, в сочетании острой критики и утверждающего положительного начала, в пристальном изучении психологии лич-

ности и использовании принципов субъективности и аутентичности восприятия мира в изображении персонажей, в обращении к «новой искренности».

Список литературы

Красавченко Т. Н. Постмодернизм мертв? Дискуссии в англоязычной критике (обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение. 2018. №3. С. 207–216.

Нечаева Е. А. Метамодернизм как дискурс нового антропологического мифа // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. №1. С. 191–202.

Павлов А. В. Метамодернизм: Критическое введение // Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма / под ред. Р. ван ден Аккера, Э. Гиббонс и Т. Вермюлена М., 2020. С. 7–27.

Павлов А. В. Образы современности в XXI веке: метамодернизм // Логос. 2018. №6 (127). Т. 28. С. 1–19.

Сливаковский П. Е. Метамодернизм: контуры глубины // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2018. №4. С. 196–211.

Эггерс Д. Душераздирающее творение ошеломляющего гения. М., 2007.

Эггерс Д. Сфера. М., 2014.

Bolaño-Quintero J. Post-postmodern Fiction at the Turn of the Millennium: The Transcendentalist Alternative // Academia Letters. 2021a. Article 180. P. 1–4.

Bolaño-Quintero J. Reconstructing Realism in Post-Postmodern Narrative: Dave Eggers' A Heartbreaking Work of Staggering Genius // Complutense Journal of English Studies. 2021b. №29. P. 115–126.

Eggers D. Mistakes We Knew We Were Making // Eggers D. A Heartbreaking Work of Staggering Genius. N. Y., 2001. P. 1–48.

Eggers D. The Circle. N. Y., 2014.

Huber I. Literature after Postmodernism: Reconstructive Fantasies. L., 2014.

Hutcheon L. A Poetics of Postmodernism: History, Theory, Fiction. L. ; N. Y., 1988.

Hutcheon L. The Politics of Postmodernism. L. ; N. Y., 2002.

Isik D. A Foucauldian Reading of Dave Eggers' The Circle // Journal of Modernism and Postmodernism Studies. 2020. №1 (2). P. 154–162.

Krijnen J. Cultivating the Desert: Pragmatist Configurations of Postmodernism // Holocaust Impiety in Jewish American Literature: Memory, Identity, (Post-)Postmodernism. Leiden, 2016. P. 147–180.

Lipovetsky G. Hypermodern Times. Cambridge, 2005.

Maurer K., Rostboll Ch. F. Demoxie: Reflections on Digital Democracy in Dave Eggers' Novel The Circle // First Monday. 2020. №25 (5). URL: <https://journals.uic.edu/ojs/index.php/fm/article/view/10650> (дата обращения: 19.02.2022).

Metamodernism. Historicity, Affect, and Depth After Postmodernism (Radical Cultural Studies). L., 2017.

Nealon J. T. Post-postmodernism or, the Cultural Logic of Just-in-Time Capitalism. Redwood City, 2012.

Timmer N. Do You Feel It Too? The Post-Postmodern Syndrome in American Fiction at the Turn of the Millennium. Amsterdam ; N. Y., 2010.

Toth J. The Passing of Postmodernism: a Spectroanalysis of the Contemporary. Albany, 2011.

Wallace D. F. E Unibus Pluram: Television and U.S. Fiction // Review of Contemporary Fiction. 1993. №13 (2). P. 151–194.

Wasihun B. Surveillance and Shame in Dave Eggers' The Circle // On_Culture: The Open Journal for the Study of Culture Issue. 2018. №6. P. 1–21.

Об авторах

Галина Игоревна Лушникова, доктор филологических наук, профессор, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Россия.

E-mail: lushgal@mail.ru

Татьяна Юрьевна Осадчая, кандидат педагогических наук, доцент, Севастопольский государственный университет, Россия.

E-mail: osadchaya_ta@mail.ru

Для цитирования:

Лушникова Г.И., Осадчая Т.Ю. Тенденции метамодернизма в современной литературе (на материале романа Дэйва Эггера «Сфера») // Слово.ру: Балтийский акцент. 2022. Т. 13, №3. С. 124 – 141. doi: 10.5922/2225-5346-2022-3-7.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

METAMODERNISM IN CONTEMPORARY LITERATURE (ON DAVE EGGERS' NOVEL "THE CIRCLE")

G. I. Lushnikova¹, T. Yu. Osadchaya²

¹ V.I. Vernadsky Crimean Federal University

2 Sevastopolskaya St., Yalta, 298635, Russia

² Sevastopol State University

33 Universitetskaya St., Sevastopol, 299053, Russia

Submitted on February 22, 2022

doi: 10.5922/2225-5346-2022-3-7

Currently, the literary process is witnessing the emergence of a new trend – post-postmodernism, developing along several lines. The article offers a review of theoretical works of Russian and foreign authors, devoted to the study of post-postmodernism, its main characteristics, and terminology. On the basis of the novel "The Circle" (2013), written by the American writer Dave Eggers, which has not yet become the subject of study in Russian literary criticism, the authors explore the main features of metamodernism as one of the directions of post-postmodernism. The methodology of the study is based on the principles of interpretive analysis and comparative historical observation. The analysis of several contemporary English-language novels suggests that post-postmodernism attempts to reconstruct what has been deconstructed in postmodernism while retaining some of its attitudes. A detailed examination of Eggers' novel shows that it exhibits both postmodernist (a complex combination of genre forms) and metamodernist characteristics. A closer look at Eggers' text shows that it exhibits both postmodernist (a complex combination of genre forms) and metamodernist features (rejection of the postulate of 'the death of the author' and explication of the authorial position, post irony, neorealism, an appeal to 'new sincerity'). The results of this study may be used in further research in this field, as well as in the development of teaching material for philological disciplines at universities.

Keywords: cultural paradigm, post-postmodernism, Dave Eggers, "The Circle", metamodernism trends, interpretive analysis

References

- Bolaño-Quintero, J., 2021a. Post-postmodern Fiction at the Turn of the Millennium: The Transcendentalist Alternative. *Academia Letters*: 180, pp. 1–4.
- Bolaño-Quintero, J., 2021b. Reconstructing Realism in Post-Postmodern Narrative: Dave Eggers' A Heartbreaking Work of Staggering Genius. *Complutense Journal of English Studies*, 29, pp. 115–126.
- Eggers, D., 2001. Mistakes We Knew We Were Making. In: D. Eggers, ed. *A Heartbreaking Work of Staggering Genius*. New York, pp. 1–48.
- Eggers, D., 2014. *Sfera* [The Circle]. Moscow (in Russ).
- Eggers, D., 2014. *The Circle*. New York.
- Huber, I., 2014. *Literature after Postmodernism: Reconstructive Fantasies*. London.
- Hutcheon, L., 1988. *A Poetics of Postmodernism: History, Theory, Fiction*. London; New York.
- Hutcheon, L., 2002. *The Politics of Postmodernism*. London; New York.
- Isik, D., 2020. A Foucauldian Reading of Dave Eggers' the Circle. *Journal of Modernism and Postmodernism Studies*, 1(2), pp. 154–162.
- Krasavchenko, T.N., 2018. Is Postmodernism Dead? Discussions in English language critical works (review). *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 7: Literaturovedenie* [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Ser. 7: Literary studies], 3, pp. 207–216 (in Russ.).
- Krijnen, J., 2016. Cultivating the Desert: Pragmatist Configurations of Postmodernism. In: J. Krijnen, ed. *Holocaust Impiety in Jewish American Literature: Memory, Identity, (Post-)Postmodernism*. Leiden, pp. 147–180.
- Lipovetsky, G., 2005. *Hypermodern Times*. Cambridge.
- Maurer, K. and Rostboll, Ch.F., 2020. Demoxie: Reflections on Digital Democracy in Dave Eggers' Novel The Circle. *First Monday*. 25(5). Available at: <https://journals.uic.edu/ojs/index.php/fm/article/view/10650> [Accessed 19 February 2022].
- Nealon, J.T., 2012. *Post-postmodernism or, the Cultural Logic of Just-in-Time Capitalism*. Redwood City.
- Nechaeva, E.A., 2021. Metamodernism as a discourse of a New Anthropological Myth. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistikii* [Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics], 1, pp. 191–202 (in Russ.).
- Pavlov, A.V., 2018. Images of Modernity in the Twenty-First Century: Metamodernism. *Logos*, 28 (6), pp. 1–19 (in Russ.).
- Pavlov, A.V., 2020. Metamodernism: Critical Introduction. In: R. van den Akker, T. Vermeulen and A. Gibbons, eds. *Metamodernizm. Istorichnost', Affekt i Glubina posle postmodernizma* [Metamodernism. Historicity, Affect, and Depth After Postmodernism (Radical Cultural Studies)]. Moscow, pp. 7–27 (in Russ.).
- Spivakovsky, P.E., 2018. Metamodernism: Outlining the Contours. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya* [Moscow University Philology Bulletin], 4, pp. 196–211 (in Russ.).
- Timmer, N., 2010. *Do You Feel It Too? The Post-Postmodern Syndrome in American Fiction at the Turn of the Millennium*. Amsterdam; New York.
- Toth, J., 2011. *The Passing of Postmodernism: a Spectroanalysis of the Contemporary*. Albany.
- Van den Akker, R., Gibson, A. and Vermeulen, T., eds., 2017. *Metamodernism. Historicity, Affect, and Depth After Postmodernism (Radical Cultural Studies)*. London.
- Wallace, D.F., 1993. E Unibus Pluram: Television and U.S. Fiction. *Review of Contemporary Fiction*, 13 (2), pp. 151–194.
- Wasihun, B., 2018. Surveillance and Shame in Dave Eggers' The Circle. *On_Culture: The Open Journal for the Study of Culture Issue*, 6, pp. 1–21.

The authors

Dr Galina I. Lushnikova, Professor, Vernadsky Crimean Federal University, Russia.

E-mail: lushgal@mail.ru

Dr Tatiana Yu. Osadchaia, Associate Professor, Sevastopol State University, Russia.

E-mail: osadchaya_ta@mail.ru

To cite this article:

Lushnikova, G. I., Osadchaia, T. Yu. 2022, Metamodernism in contemporary literature (on Dave Eggers' novel "The Circle"), *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 13, no. 3. p. 124 – 141. doi: 10.5922/2225-5346-2022-3-7.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))